

ДОРОГА от Полтавы до Диканьки недалеко, но сколько замет оставила на ней история. На древнем полтавском бугре, сгоревшем в себе и ядра, и казачьи пики, и остатки крепостных бастионов, и рваный металл недавних мин и фугасов, взор человека неожиданно оказывается на высоте полета. Крутой и внезапный скат с него как бы в миг один раздвигает пространство, уносит взгляд и влечет за ним — сердце за изгибы и поимку серебристой Ворсклы в безбрежную равнину, некогда бывшую благоухоной непаханой степью. Углубившись в нее, как в миновавшее время, — и вот уже, глядишь, замерзает вдали Днепр, потянет костровым дымком куреней казачьих Запорожье, засинеет тучей дальней Черное море.

Не здесь ли впервые зародилось в мальчике-Гоголе, учившемся в Полтавском поветовом училище, то столь часто окрылявшее потом его душу ощущение мгновенного расширения пространства, когда вокруг становится «видимо далеко во все концы света». Не с полтавского ли бугра прилетели к нему в холодный Петербург эти строки: «Эх, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падет на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, дейлось на свете! А как еще влутается какой-нибудь родич, дед или прадед — ну, тогда и рукой махни... если не чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе...»

А дедов и прадедов было у него немало. Гоголем на Украине зовут птицу, селезня. Из таких кличек и рождались колоритные казачьи фамилии. Яновские — другая его родословная ветвь соединилась с ветвью Лизогубов-Танских, именами на Украине славными и еще более прославившимися при Петре. Впрочем, славность эта еще не означала достатка. Гоголь был сыном небогатого украинского дворянина Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского, владевшего Васильевкой, селцом, а точнее потогданскому — хутором в Миргородском уезде. Село это в наши советские годы названо в честь великого сына своего Гоголем. И относится сейчас оно к Шишацкому району Полтавщины.

Впрочем, не будем забегать вперед, а последуем дорогой, много раз изданной самим Николаем Васильевичем Гоголем. Дорогой, по которой, бывало, тащились чумацкие возы, крестьянские подводы, где и брички двигались с розговым верхом и важно прыгали рессорные экипажи, а сейчас вот машины бегут по накатанному асфальту мимо сед, сменяющих плетни и мазанки под соломой на кирпичные дома с телеантеннами, но все также утопающие в буйстве вишен, яблонь и груш и сохраняющих все те же уходящие в старину названия: Коляды, Носы, Ярески, Шарлаевки, Воронянищина...

Через девять километров от центра Полтавы приведет та дорога на поле Полтавской битвы, которая в 1709 году, без малого 275 лет назад, возвестила громом орудий окончательный выход России на побережье Балтики. «Воины! — говорил перед сражением Петр. — Се пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество...»

Эхо Полтавской битвы еще будет громко звучать в раздолбом воздухе Украины и сознании народном через сто лет, когда здесь родится Гоголь. А спустя еще 134 года, в 1943 году, у села Кротенки, на том же месте, где переправлялись через Ворсклу петровские полки, реку форсировали советские войска, чтобы стремительным ударом освободить от фашистской нечисти древнюю Полтаву.

Свернув с асфальтовой на еще подмороженную проселочную вдоль опушки диканьского леса, мой проводник и хозяин, шишацкий райвоенком майор Бурак Николай Иванович, показал мне в этом старинном лесу еще одно памятное место. Отсюда 25 сентября 1941 года, сметая огнем сотни ошеломленных врагов с лица нашей земли, артиллеристами 4-го гвардейского минометного полка под командованием майора А. Нестеренко был дан первый на этом участке фронта залп реактивных минометов — «катюш»...

ПОЛТАВА и Диканька как бы впервые, еще до личного знакомства соединили имена Пушкина и Гоголя. Вышедшая в свет в 1829 году поэма Пушкина о Полтавской битве и трагической судьбе Василия Леонтьевича Кочубея, уличившего Мазепу в предательстве и мужественно погибшего, переносит читателя в Диканьку, в те места, где Гоголь часто бывал, рядом с которыми он вырос и родился. Окружности Диканьки с воспоминаниями Пушкиным и еще сохранившимися сегодня заповедными ее дубами и поме-

сть Кочубея Гоголь знает с детства. Именно сюда, в церковь Николая, фамильную церковь Кочубеев, здание удивительно по красоте и целесообразности архитектурных решений, воздвигнутое известным русским архитектором Н. Львовым, приходила из Васильевки богомольная молодая мать Гоголя Мария Ивановна. Следует, однако, заметить, что религиозное чувство не перевесило в ней извечного украинского разума. Упова на силу молитвы, она тем не менее велела в преддверии родов отвезти ее в село Великие Сорочинцы, где жил дальний родственник — врач Д. Трохимовский, в доме которого будущий великий писатель благополучно появится на свет.

В 1831 году вышла первая книжка «Вечер». Этот короткий год как бы на могучих крыльях поднял безвестного чиновника Гоголя-Яновского до Гоголя — собеседника и соратника Пушкина и Жуковского.

СТАРИНА перед будущим бывает беззащитна. Дело сохранения памятников народной культуры и старины — высокое, благородное и вместе с тем грудное, хлопотное дело. Случайные люди на музейной работе не задерживаются — здесь нужны рыцари, энтузиасты. С двумя такими энтузиастами довелось мне встретиться на земле Гоголя. Один из них — Василий Филиппович Горячун, заведующий краеведческим музеем в

Нечистая сила, говорят, здесь перевелась. А вот в ночь перед рождеством по-прежнему гадают. И не от суеверия гадают — от веселья и озорства народного. А может, и сам Гоголь тут «виноват» — так сочно выдумал и написал о жизни, что написанное в самой жизни просило. Рассказали мне про одно гадание. Девушки и незамужние женщины в ожидании будущего жениха выпекают оговорочку оладьев. Потом берет гадающая горячий оладышек — и за дверь. Ест его и слушает: в какой стороне залает в это время собака. С какой залает — с той и надо ждать жениха. Уверяли, что гадание это сбывается, а на лицах — улыбки, в глазах — хитреца...

смертном часе старого Тараса. Как не повторить вслед за Гоголем: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!». Советскую силу!

...В дорогу, дорогой читатель, снова в дорогу! Без нее не обойтись, если речь идет о Гоголе, вечном страннике, проводившем в дороге добрую треть своей жизни. Как и сам он, почти все его герои куда-то идут, едут, двигаются. Дорога — та ось, вокруг которой сформирован сюжет величайшего создания писателя — поэмы «Мертвые души». Если в «Ревизоре» решил он собрать в одну кучу все дурное в России, какое только знал, и за одним разом над всем посмеяться, в «Мертвых душах» дорога распахнула перед ним всю старую Россию, и, кажется, донные еще летит вослед экипажу Чичикова гневный и плачущий смех Гоголя. А наша дорога поведет теперь в Гоголево, бывшую Васильевку.

ОТ ПРЕЖНЕЙ Васильевки, милого сердцу Гоголя хутора близ Диканьки, здесь не осталось ничего. Старожилы рассказывали мне, что не уцелело от военного огня ни одной хаты. Разве что пруд остался, выкопанный некогда Василием Афанасьевичем. Да эти холмы, да пойма все той же петливой речонки Говтвы, вдоль которой любил Николай Васильевич ездить один. И все-таки и дом Гоголей, и любимый им флигель, и тщательно спланированный сад над прудом с беседкой и гротом, и мельница на изгибе бугра — они уже есть, любовью и памятью народной подняты на прежние места. Несколько лет назад сельчане Гоголево обратились к правительству Украины с просьбой восстановить усадьбу великого земляка. В 1979 году ЦК Компартии Украины и Совет Министров республики постановили создать в селе Гоголево государственный заповедник-музей Н. В. Гоголя. Сейчас работы, руководил которыми нынешний директор музея Л. Вайнгорт, в какой-то мере завершены. На завтра, 31 марта, накануне дня рождения писателя, намечено торжественное открытие музея.

Гоголь провел в Васильевке все детство, постоянно приезжал сюда на каникулы из Нежинского лицея и потом не раз по несколько месяцев, чаще всего летом, гостил в родительском доме. По этим полям, где сейчас уголья колоза имени XXII партсъезда, он любил бродить и ездить с отцом.

Бабушка Татьяна Семеновна рассказывала внуку Никоше предания старины, пела унылые казачьи песни, где всегда уходил казак из родного дома воевать на чужбину и редко в него возвращался. Уезжая служить в Петербург уже после смерти отца, от прав своих на наследство Николай Васильевич отказался в пользу матери. Потом на протяжении всей жизни Гоголь принимал участие в переустройстве родного дома. Его чертежи и наброски фасада, плана дома, отдельных его деталей легли в основу подлинного труда реставраторов. Восстановлен рисунок деревянного паркета в доме, по опискам возрождены печные изразцы...

Экспозицию музея пока еще трудно назвать богатой: фотографии рукописей и писем, редкие издания книг, живопись. Самые дорогие и ценные экспонаты — подлинники. Есть в музее приличный портрет писателя работы неизвестного художника, золотой перстень с помещенной внутри прядью волос Гоголя — дар О. Сошальской, дальней родственницы писателя, другие гоголевские реликвии. Оригинальные предметы старого украинского крестьянского быта подарены земляками-сельчанками. Заповедник-музей начинает свой путь в будущее.

На его территории, рядом с надгробием, сооруженным над могилой родителей Гоголя, стоит простой памятник времен Великой Отечественной. Он воздвигнут павшим за свободу и независимость Родины в 1941—1945 годах землякам. Более ста фамилий начертано на нем. Прочитай их и удивишься — сколько однофамильцев: семнадцать Воронянищ, двадцать — с фамилией Шарлай... Что-то знакомое слуху чудилось в них. И дрогнуло сердце — ну, конечно же, это из тех сел, через которые мы проезжали: Шарлаевка, Воронянищина... Вот они, корни народные, из рода в род, из поколения в поколение передающие детям, внукам и правнукам своим песню и мужество, фамилию и землю родную. Землю, взрастившую Гоголя, о которой сам он сказал: «...Мое сердце всегда останется привязанным к священной земле Родины...»

Подполковник **Ю. БЕЛИЧЕНКО**, спец. корр. «Красной звезды».

На снимках: бюст Н. В. Гоголя работы скульптора А. Ковалева; Диканьки заповедные дубы; восстановленный в усадьбе дом Гоголей. Фото автора.

В летописи Отечества

БЛИЗ ДИКАНЬКИ

Имя Пушкина и его стихи были известны всей России. Прославляя деяния Петра, поэма Пушкина делала широко известным и имя местечка Диканьки. Влюбленный в гений Пушкина, в то время безвестный петербургский чиновник 14 класса Гоголь-Яновский, конечно же, прочитал поэму сразу после ее выхода, в 1829 году. Его собственная первая литературная попытка не удалась. Писец, а потом — помощник столоначальника Департамента уделов, он по бедности своей не может позволить себе не только съездить в родную Васильевку, но прокатиться на извозчике или принять участие в товарищеской пирушке вскладчину. Но по ночам он пишет удивительную, ни на что не похожую книгу. Исполненная неподдельного живого юмора, в ней открывается стихия народной жизни, похожей на сказку, оживают в занятых побасенках старые приметы, песни и предания, звучит лукавая малороссийская разговорная речь, дышит ночное украинское небо, пахнут травы и деревья, возникают неповторимые своеобразие и яркие народные характеры. С нечистой силой в этой книге играют в карты, ведьмы в ней — обыкновенные вздорные бабы, действие свободно переносится из века в век, а добро и радость непременно одолевают горе и зло.

Еще не решаясь подписать книгу собственным именем, Гоголь сочиняет заодно и рассказчика, его «автора» — пасечника Рудого Панька. Но как же назвать эту незаднанную еще книгу, чтобы она сразу привлекла читателя? Ход его мыслей угадывается и представляется весьма вероятным. Его Васильевка, родовой малороссийский хутор, как и автор, безвестна. Диканька — воспева Пушкиным. От Васильевки до Диканьки (если строго по прямой) чуть более десяти километров. Расстояние от Гоголя до Пушкина в литературе пока еще неизмеримо больше, но Гоголь верит в свой талант. «Хутор близ Диканьки» точно ориентирует читателя на известное ему место действия и тонко подчеркивает тяготение и близость автора к пушкинскому направлению.

Кстати, хоть и показывали мне, лукаво улыбаясь, мои попутчики и хозяйка лес за бывшей Васильевкой, где якобы стояла пасека Рудого Панька, версия о зашифровке в этом псевдониме собственного своего имени — куда более достоверна для неистощимого на выдумки псевдонимов Гоголя. Рудой — это по-украински значит рыжий, а Гоголь был рыжеват. Панек — в просторечии внук Опанаса, а дед его по отцовской линии звали Афанасий Демьянович...

Диканьке. Человек он немолодой, фронтовик. Здоровье у него — уже неважное. Штат — невелик, и средств у музея немного. А он бережно, по-хозяйски, реставрирует на эти малые средства архитектурные памятники: мельницу старую к музею перевез, старую хату поблизости сохранил и подновил — все, что с историей, народной памятью и культурой связано, как птица в свое гнездо, собирает он в свой музей. Второй — Николай Остапович Литвин, директор литературно-мемориального музея Н. В. Гоголя в Великих Сорочинцах, где мы еще побываем, глубокий и по-настоящему серьезный знаток всего, что связано с именем Гоголя. Музей этот стоит на месте дома врача Трохимовского. Он был открыт в 1929 году. В 1943 году фашисты его сожгли. В 1951 году музей отстроен и открыт вновь. Десять последних лет директором его работает Николай Остапович. Пожелаем же им, светлым и мудрым этим людям, и их соратникам по делу добра и здоровья. На сохраненное ими с благоговением будут смотреть благодарные наши потомки...

НА ПУТИ от Диканьки до Великих Сорочинцев не миновать переезда через Псел. Какая же чудная даже в раннюю пору весны неширокая эта река! В кустах верб, в обрамлении широколиственных и хвойных лесов, отражая в водах своих высокое небо и нарядные хаты на крутом берегу, как расписный узором украинский рушник, легла она на землю Полтавщины. Пологий берег ее под водой в пору разлива. Поэтому весной дороги здесь таковы, что машиной проехать трудно. А если проехай рискнешь «напрямки» — в черноземе, глядишь, и подошвы оставит. Тут куда бы надежной воле, на которых вез когда-то свое семейство на сорочинскую ярмарку гоголевский Солопий Черевик.

А ярмарка та собирается и поныне. И приезжает на нее сюда вся Полтавщина — да что там Полтавщина, пол-Украины прибывает в Сорочинцы на последнее воскресенье августа. Большая площадь перед въездом в село уставлена ярмарочными павильонами, домиками, рядами, палатками. Во время ярмарки, как и в старые времена, здесь можно купить все: и славные гончарные изделия, на которые искусные местные мастера, и народную вышивку, и штуку сукна, и зерно, и платье, и арбузы, и даже бурую свинью миргородской породы, далекого потомка той злощастной свиньи, которая украла со стола миргородского присутствия прошение Ивана Никифоровича.

В ВЕЛИКОСОРОЧИНСКОМ музее хранятся первые издания книг Гоголя, посвященные ему живописные и графические работы известных русских и советских художников, редкие фотографии. Есть здесь подлинные вещи писателя: его портфель, дорожный чемодан, цилиндр, подфранный платок, бархатный жилет. Стоит в центре села памятник Гоголю работы скульптора И. Гинцбурга, открытый 28 августа 1911 года. Сооружался он на добровольные пожертвования, собранные жителями Полтавской губернии. Красуется на крутом берегу Псёла отреставрированная снаружи Преображенская церковь, прекрасный памятник архитектуры XVIII века, в книге которой была сделана запись о рождении Гоголя. И думалось там о щедрости земли нашей на могучие таланты. И о негасимом мужестве простых народных характеров, так сильно и правдиво показанных Гоголем, думалось на том берегу...

В годы войны не смирились земляки Гоголя с вражеской оккупацией. Целыми семьями шли в партизаны, где и как могли наносили фашистам урон. Расскажу о судьбе одной партизанки, жительницы Великих Сорочинцев Ольге Антоновне Бондаренко. Она была связной отряда, добывала для партизан продовольствие, распространяла листовки. Ее схватили, пытали — она не сказала врагам ни слова. Вместе с группой других партизан, среди которых был и ее муж, Семен Бондаренко, привели ее на расстрел вот сюда, к церкви, где крестили маленького Гоголя, на крутой берег Псёла. Они стояли рядом: муж и жена, и вместе прозенные пулями упали с обрыва. Никто, казалось, не мог выжить. Но вышло так, что Ольга Бондаренко выжила. Ночью, прелезая в боту, она выбралась, выпаралась на этот обрыв и добралась до хаты. Дома был ее сын Гриша. Как-то перевязав раны и взяв с собой сына, Ольга Бондаренко побрела в партизанский отряд. Не повезло — перехватили на дороге полицаны. Снова пытки, снова истязания и снова расстрел. В первый раз рядом с мужем, теперь — рядом с сыном. И снова ненависть и святая жажда мести после расстрела воскрешают ее из мертвых. Ольга Антоновна опять доползла до своей хаты. И когда по ее кровавому следу в хату опять пришли палачи, они онемели от ужаса, увидев живой дважды расстрелянную ими женщину. Ольга Бондаренко погибла. Памятник ей воздвигнут в Великих Сорочинцах. И как не вспомнить, думая о ее судьбе, и о стойкости молодого Остапа Бульбы или о